

ИСТОРИЯ

УДК 93/94

Г.Н. Алишина

ВОПРОС ОБ ИДЕНТИЧНОСТИ МЕННОНИТОВ РОССИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

*Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры
инновационной России на 2009–2013 гг.» (мероприятие 1,5).*

Рассматривается проблема этнической идентичности меннонитов России в годы Первой мировой войны. Обозначены две основные точки зрения на идентичность этого этноконфессионального сообщества, распространенные в российском обществе в военное время. Приведена аргументация, использовавшаяся обеими сторонами в развернувшейся дискуссии, и охарактеризована позиция самих меннонитов по этому поводу. Показана зависимость определения идентичности меннонитов в годы Первой мировой войны от внешних факторов и условий, то есть ее конъюнктурный характер.

Ключевые слова: меннониты; идентичность; Первая мировая война.

За время существования Российского государства не раз менялись оценки роли и значения для страны тех или иных этнических и конфессиональных сообществ. Весьма показательной является история проживания на территории России специфического этноконфессионального сообщества меннонитов.

Меннонитство возникло в 30-х гг. XVI в. в ходе реформационного движения в Нидерландах, в котором принимали участие радикальные и умеренные анабаптисты. В основе их вероучения лежали идеи неприменения силы и непротивленчества, то есть меннониты по причине своих религиозных убеждений не брали в руки оружие. Это обстоятельство привело к тому, что они часто переселялись, поскольку их принципиальный пацифизм часто вступал в противоречие с интересами государств, в которых они проживали. Когда власти начинали настаивать на том, чтобы меннониты проходили службу в армии, они использовали пассивную форму протеста – меняли место жительства. Первая волна эмиграции пришлась на 40–50-е гг. XVI в., когда деятельность инквизиции вынудила их переселиться сначала в Восточную Фрисландию и Северную Германию, а потом в Восточную и Западную Пруссию [1. С. 11]. Вторая, более крупная волна эмиграции меннонитов началась в конце 60-х гг. XVI в., в результате чего они оказались в Англии, Франции, Германии и Польше [1. С. 12–13]. Однако и здесь меннонитам не всегда удавалось найти взаимопонимание с властями, поэтому во второй половине XVIII в. некоторые из них решили попытать счастья в Российской Империи, куда и отправились в числе прочих колонистов по приглашению Екатерины II.

Попав в Россию, меннониты сначала поселились на южных окраинах страны, но со временем ареал их проживания заметно расширился. Меннонитские колонии появились на Кавказе и в Сибири. Отношения с российскими властями не всегда складывались безоблачно. Лишь однажды во время реформ 60–70-х гг. XIX в. была предпринята попытка отменить право меннонитов не служить в армии. Это вызвало очередную миграцию. В результате российские власти пошли на компромисс: для меннонитов была предусмотрена альтернативная служба в составе лесных команд. Эти условия устроили обе стороны, и эмиграция прекратилась.

Вероисповедание и голландское происхождение заметно отличали меннонитов от других немецких переселенцев. А. Клаус выделял меннонитов в отдельную категорию «колонистов», не относящуюся к «немцам», под которыми он подразумевал выходцев из германских государств – католиков и протестантов [2. С. 21].

С началом Первой мировой войны вопрос об идентичности меннонитов приобрел небывалую остроту. Хотя они и были выходцами из Голландии, в Российскую Империю меннониты попали в числе немецких колонистов и зачастую воспринимались как неотъемлемая их часть. Это привело к тому, что среди представителей власти и общественности сформировалось две точки зрения на их идентичность. Первая заключалась в том, что меннониты считают себя немцами и развернувшаяся в годы войны «борьба с немецким засильем» не должна обойти их стороной. Второе мнение сводилось к тому, что меннониты относят себя не к немцам, а к голландцам, соответственно, никакой угрозы для безопасности страны не представляют и притеснениям подвергаться не должны.

У сторонников первой точки зрения был явный корыстный интерес: меннониты среди колонистов и местного российского населения заметно выделялись своими хозяйственными успехами и обеспеченностью землей. Даже в годы Первой мировой войны отдельные представители власти признавали хозяйственные достижения и пользу, которую приносила эта этноконфессиональная группа стране.

Описывая меннонитские колонии в Херсонской и Таврической губерниях, автор официального отчета отмечал, что они «поражают своим цветущим состоянием» [3. Л. 113 об.], а «экономическое благосостояние меннонитов стоит в резком контрасте с положением окружающего малорусского крестьянства» [3. Л. 114]. Причины подобной успешности, по его мнению, крылись в специфике землепользования: «Каждый поселянин живет своим “хозяйством”. “Хозяйство” – это земельный участок в 65 десятин, составляющих личную собственность поселянина. Есть поселяне, владеющие несколькими такими “хозяйствами”. Два поселянина... Таврической губернии Яков Зудерман и Давид Дик владеют каждый участками земли по 20 000 десятин.

Поселяне, имеющие полхозяйства (30 десятин), считаются уже бедняками» [3. Л. 113 об.–114].

Однако подобная обеспеченность земель вызывала не только восхищение, но и зависть. Рассуждая о размерах земельных владений меннонитов, антинемецки настроенная общественность настаивала на том, что в условиях войны с Германией «все немецкое землевладение на юге России необходимо ликвидировать» [4. 24 нояб.] как «несомненное зло», которое «должно быть вырвано со всеми его корнями» [5. 9 сент.]. В адрес Государя сыпались предложения «отобрать у врагов наших их земли и богатство и раздать их героям, защитникам родины, на льготных условиях» [5. 17 июня]. Несмотря на возражения некоторых парламентариев и даже ходатайство земских деятелей и дворян Таврической губернии [4. 4 нояб.], требования противников немецкой земельной собственности были удовлетворены правительством. 2 февраля 1915 г. был принят закон о ликвидации немецкого землевладения, а 13 декабря 1915 г. он был снабжен рядом дополнительных правил. Меннониты также попадали под действие этих узаконений, и можно предположить, что именно они из всех колонистов России более всего пострадали, поскольку их земельные владения зачастую имели внушительные размеры. Предпринимались попытки оспорить это решение властей. На рассмотрении в Первом департаменте Сената было немало количество дел, касающихся землевладения меннонитов. Обсуждался принципиальный вопрос: попадают ли такие дела под действие «ликвидационных законов» или нет. Однако в результате этого обсуждения было однозначно решено, что меннониты подходят под законы 2 февраля и 13 декабря 1915 г. и, следовательно, землевладение их подлежит ликвидации [6. Л. 186 об.].

Для оправдания подобных действий со стороны властей в адрес меннонитов с завидной регулярностью стали высказываться обвинения в нелояльности, намеренном захвате земель в интересах Германии и презрительном отношении к русскому населению. Например, екатеринославский губернатор сообщал в Департамент общих дел осенью 1915 г.: «Со времени наступления настоящей войны многие меннониты, как и немцы других исповеданий, стали проявлять явно недоброжелательное и даже враждебное отношение к России и всему русскому, подвергать критике российский государственный строй и порядки, русскую армию и наши вооруженные силы. В то же время они выказывали полное сочувствие и преданность Германии, что выражалось во многих случаях в восхвалении ими Германии, ее непобедимости и превосходства над Россией в культурном и боевом отношениях» [3. Л. 25 об.].

Известная своей скандальностью газета «Новое время» периодически публиковала статьи, в которых колонисты юга России характеризовались весьма негативно. В частности, утверждалось, что они «сохранили все черты быта и культуры славной Германии и русских терпят исключительно в роли батраков»; «вся администрация имений, включительно до приказчиков и надсмотрщиков за рабочими, непременно немцы, немолимые, почти всегда жестокие и настойчивые»; а также что немцы захватили «лучшие земли» и забрали «в свои руки земское дело» [4. 6 нояб.]. Даже восхи-

щавшая ранее хозяйственная культурность, носителями которой являлись меннониты, была поставлена под сомнение: «Вся культурность немцев выражается в аккуратно распланированных улицах и хороших домах и хозяйственных постройках, в остальном строй и быт колонии архаичен» [4. 24 нояб.].

Еще одним поводом для нападок на меннонитов в условиях войны стало уже упомянутое специфичное отношение к военным действиям. Руководствуясь своими религиозными представлениями, они категорически отказывались брать в руки оружие. Однако в условиях Первой мировой войны привилегия, касающаяся службы в армии, вызвала острое негодование у некоторых представителей общественности. Радикальная пресса расценивала меннонитское вероучение как «удобное» в военное время, настаивала, что «исходным основанием русского подданства должно быть поставлено участие в обороне государства. Кто не желает, ссылаясь на свое вероучение, защищать Россию, т.е. кто отказывается нести наиболее священную обязанность, тот не может быть ее гражданином, тот не имеет права владеть землей», и возмущалась: «Скажите на милость, какие нашли еще господа! Они могут жиреть на русской земле, а как доходит дело до защиты их очагов – так для этого подавай им русских!» [7. 20 марта].

Вторая точка зрения по поводу идентичности меннонитов также нашла свое отражение в прессе, но в значительно меньшей степени. Например, в одной из публикаций «Сибирской жизни» представители сообщества были названы «весьма оригинальной группой лиц», которых считают немцами, тогда как они голландцы, давно пришедшие в Россию по доброй воле, желающие мирно трудиться и готовые нести все тяготы приютившей их страны [8. 11 окт.]. Для подтверждения лояльности меннонитов приводились доводы в противовес выдвигаемым обвинениям.

Факт материальной обеспеченности сглаживался сообщениями о пожертвованиях в пользу действующей армии. Например, сообщалось, что меннониты Томской губернии «добровольно собрали и отправили на свои средства для нужд русского войска несколько десятков тысяч пудов пшеницы» [9. Л. 185 об.]. Даже екатеринославский губернатор признавал, что пожертвования колонистов на благотворительные цели действительно достигают приличных размеров [3. Л. 25], хотя и оговаривался, что «взносы этих пожертвований всегда обставляются декоративно, очень рекламируются в печати и почти всегда служат аргументом при всякого рода ходатайствах перед Правительством» [3. Л. 25]. Еще одним направлением в благотворительной деятельности меннонитов стали лазареты, которые они организовывали и содержали за свой счет. В одной из публикаций «Нового времени» говорилось, что меннониты предложили Красному Кресту сформировать госпиталь на 200 кроватей [4. 13 авг.].

В качестве подтверждения преданности меннонитов Российскому государству сообщалось, что в их молитвенных домах были отслужены молебствия о здравии Государя Императора и всего Царствующего Дома и о даровании победы русскому воинству [10. 6 нояб.]. В противовес обвинениям в высокомерном отношении к русскому населению практиковалось оказание помо-

щи в уборке хлеба семьям, мужчины из которых были призваны на войну, для чего колонистами специально создавались местные комитеты [10. 6 нояб.].

Понимая свою уязвимость, меннониты сами предложили дополнить службу в лесных командах службой в действующей армии в качестве санитаров [10. 6 нояб.]. Их предложение было принято властями, тем более что санитаров во время войны катастрофически не хватало [11. С. 91]. Есть свидетельства, подтверждающие, что к своим военным обязанностям в годы Первой мировой войны меннониты относились очень ответственно.

Описывая их службу в лесных командах в таежных частях Томской губернии, корреспондент газеты «Сибирская жизнь» отмечал, что эти своеобразные «русские воины» «старательно исполняют возложенные на них обязанности», «получают 20 к. в день на пропитание», а поскольку «этих денег слишком недостаточно для человека, работающего 12 ч. в сутки», то «каждый меннонит получает от общины... по 10 руб. на человека в месяц дополнительно и вносит эти деньги в общую кассу коммуны» [8. 11 окт.], то есть меннониты не только отбывали воинскую повинность в лесных командах, но и брали на себя часть расходов по содержанию «служилых» соплеменников. Очень ценились на фронте санитары из числа меннонитов. Очевидцы отмечали их трудолюбие и отсутствие пристрастия к алкоголю. О высоких моральных качествах санитаров-меннонитов рассказывали даже вернувшиеся из германского и австрийского плена врачи [11. С. 91].

В связи с дискуссией об идентичности меннонитов, развернувшейся на страницах периодической печати и нашедшей отражение в официальной переписке, важно обозначить, как определяли себя сами меннониты. Сохранились прошения, которые меннониты писали в адрес местных и центральных властей, отстаивая свои интересы. В частности, арендаторы оброчных статей из числа меннонитов в Алтайском округе после разрыва с ними арендных отношений в рамках борьбы с «немецким засильем» пытались опротестовать это решение, прилагая к своим прошениям брошюры, в которых, в числе прочего, доказывалось, что «меннониты в большинстве случаев являются потомками лиц голландского происхождения и, во всяком случае, их предки были не германскими, а польскими подданными» [6. Л. 172]. Меннониты настойчиво отстаивали свою «ненемецкость», пытаясь донести до российских властей и общественности мысль о том, что они не враги Российскому государству.

Любопытно, что, несмотря на отказ властей признать меннонитов не подпадающими под мероприятия по борьбе с немецким засильем, на уровне местных решений особое отношение к этой этноконфессиональной группе все же фиксируется. Например, Управление Алтайским округом при пояснении своего циркуляра от 17 марта 1915 г. (о расторжении договоров с арендаторами немецкой национальности, хотя бы и русско-подданными) рекомендовало оставить единоличные договоры с рядом лиц, составляющих исключение. В этом списке наряду с теми, кто перешел в русское подданство до 1 января 1880 г., теми, чьи родственники по восходящей или нисходящей линии находились в действиях русской армии или русского флота против неприятеля, и теми, кто принял православие до 1 января 1914 г., были указаны меннониты (при условии, что они докажут это документально) [6. Л. 186–186 об.].

Таким образом, можно сделать вывод, что в годы Первой мировой войны обострился вопрос об идентичности меннонитов, проживавших в России. Сформировались две противоположные точки зрения на этот счет. Часть заинтересованных лиц придерживалась мнения о том, что меннониты прочно ассоциируют себя с Германией и поэтому представляют угрозу для безопасности страны, а часть настаивала на голландском происхождении этой этноконфессиональной группы и, соответственно, считала, что никакой угрозы от меннонитов не исходит. Примечательно, что обвинения в нелояльности, направленные в адрес меннонитов, соседствовали с настойчивым желанием отнять у них землю и передать ее участникам войны, то есть посредством дискредитации этноконфессиональной группы власть и общественность пытались решить задачу земельного обеспечения русских крестьян в условиях так и не разрешенного до конца аграрного кризиса. Сами меннониты активно демонстрировали свою преданность Российскому государству, придерживаясь версии о своем голландском происхождении и равнодушии к интересам Германии. Нельзя не отметить, что выбор в пользу этого варианта давал им возможность избежать или хотя бы минимизировать для себя последствия проводимой в России кампании по «борьбе с немецким засильем». Все это свидетельствует о том, что в вопросе определения идентичности меннонитов в России в годы Первой мировой войны заметную роль сыграли внешние условия и факторы, в зависимости от которых и делался выбор в пользу того или иного самоопределения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Инатов А.Н.* Меннониты (Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности). М. : Мысль, 1978. 213 с.
2. *Клаус А.* Наши колонии. Опыт и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. СПб. : Типография В.В. Нусвальта, 1869. Вып. 1. 516 с.
3. *Российский государственный исторический архив (РГИА).* Ф. 821. Оп. 133. Д. 319.
4. *Новое время.* СПб., 1914.
5. Там же. 1915.
6. *Государственный архив Алтайского края (ГААК).* Ф. 4. Оп. 1. Д. 3702.
7. *Земщина.* СПб., 1915.
8. *Сибирская жизнь.* Томск, 1914.
9. *Государственный архив Томской области (ГАТО).* Ф. 3. Оп. 44. Д. 4204.
10. *Русские ведомости.* М., 1914.
11. *Нелипович С.Г.* Военное ведомство и меннониты России в Первой мировой войне (1914–1918 гг.) // Этнические немцы России: Исторический феномен «народа в пути» : материалы XII Междунар. науч. конф. (Москва, 18–20 сентября 2008 г.). М. : МСНК-пресс, 2009. С. 85–103.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 июля 2011 г.